

«Каталонский народ» в понимании испанцев и россиян

А.Н. Кожановский

Попытки испанского автономного региона Каталония повысить свой политический статус привычно воспринимаются в нашей стране как стремление каталонского народа-этноса к еще большей самостоятельности. Однако на самом деле этнических общностей, соответствующих нашим представлениям, там нет, а место этнического фактора в общественном сознании жителей Испании традиционно занимает фактор историко-областнический.

Каталония – одна из исторических областей Испании. На протяжении последних десятилетий и даже последних лет здесь время от времени происходят события, привлекающие внимание мировой печати, политических аналитиков и исследователей-обществоведов. Характер и направленность этих событий заставляют всерьез задуматься о дальнейших судьбах Испанского государства – равно как и о путях развития европейской интеграции, в рамках которой давно наметилась тенденция к усилению роли регионов и областей, составляющих крупнейшие государства-члены Евросоюза, – за счет роли самих входящих в него государств.

Как известно, коренным населением Каталонии являются *каталонцы*, которые в нашей отечественной научной, общественно-политической и популярной литературе традиционно описываются как одно из национальных (этнических) меньшинств Испании, обладающее ярко выраженной языковой и культурно-исторической спецификой и веками борющееся за свою самостоятельность в условиях насильственной ассимиляции. Эта борьба всегда рассматривалась как национально-освободительная, и ее справедливость никогда не ставилась под сомнение. Наиболее значительным ее достижением считается обретение исторической областью Каталония автономии сначала во второй половине 1930-х гг., в бурные годы Второй республики и гражданской войны, а затем – после сорокалетнего периода угнетения со стороны авторитарного франкистского режима – со второй половины

1970-х гг., в рамках масштабной и глубокой внутрииспанской реформы по децентрализации государственного-политического устройства страны и созданию на ее территории невиданных здесь прежде «автономных сообществ» (*comunidades autónomas*) с очень широкими правами и полномочиями.

За сравнительно короткий срок после кончины Франко (в ноябре 1975 г.) в Испании прочно утвердились либерально-демократические порядки, на протяжении 1980-х гг. эта страна достигла высокого уровня экономического развития, стала одним из наиболее влиятельных членов Европейского Союза. Но оказалось, что и в новых условиях продолжает существовать и даже обостряться «каталонский вопрос» – как проблема взаимоотношений Испании в целом с одной из ее составных частей, теперь уже автономной Каталонией. Каталонские региональные руководители и поддерживающая их часть жителей области неуклонно стремятся ко все большей самостоятельности от центрального испанского правительства, действуя сразу по нескольким направлениям: политическому, юридическому, культурному и др.

Особенность восприятия нашими соотечественниками рассматриваемой ситуации состоит в том, что сложившаяся в нашей стране за последние, как минимум, восемьдесят лет традиция подхода к испанским реалиям очень *этнизирована*. За каталонцами как за народом-этнотомом, достигшим стадии нации, подразумеваются:

- помимо особого языка, своеобразная культура и единое происхождение;
- неповторимая этническая история;
- общепринятое самоназвание;
- четкое этническое («национальное») самосознание¹;
- особые политические интересы, связанные, прежде всего, с потребностью обеспечить свою самобытность и самоуправление в той или иной форме.

По сути дела, речь идет об *этнополитической* трактовке всего происходящего, согласно которой политической эмансипации требует именно каталонский народ-этнос. И в рамках подобной этнополитики выглядит вполне допустимым и даже естественным, что этот народ не удовлетворяется весьма широкой автономией, предоставленной ему новой либерально-демократической конституцией 1978 года. И он хочет продолжать движение к еще большему государственно-политическому обособлению, даже не подвергаясь дискриминации или ассимиляции и не испытывая неблагоприятных или каких-то особых бедствий, связанных с его пребыванием в составе Испании. Каталонцы всего лишь стремятся обрести «свое» государство, независимое от *иноэтничных* центров власти. С аналогичной точки зрения трактуются порой события, типологически напоминающие испанские и происходящие в ряде других стран Западной Европы – например, в Бельгии или Великобритании.

Вместе с тем во всем происходящем в Каталонии и в связи с Каталонией есть некоторые обстоятельства, которые, как представляется, не позволяют однозначно согласиться с оценкой тлеющего здесь конфликта как *этнополитического* – сколь бы очевидным ни казался такой подход многим комментаторам. Прежде всего, обращает на себя внимание, что в случае с каталонцами, их политической борьбой и исторической судьбой практически всегда упоминаются и рассматриваются только коренные обитатели испанского региона Каталония. Между тем, согласно принятому у нас описанию каталонцев, ареал их расселения соответствует ареалу распространения каталонского языка и захватывает, помимо Каталонии, несколько испанских областей: Валенсию, Балеарские острова, Арагон, – а также ряд соседних с Испанией государств: Францию, Италию и Андорру.

Тем не менее, жители всех прочих – кроме испанской Каталонии, – территорий каталаноязычного ареала обычно остаются как бы в тени, как если бы «национально-освободительная борьба каталонского народа» проходила без их участия. Примечательно и то, что в ходе постфранкистской «автономизации» в Испании вся тамошняя часть этого ареала почему-то не составила единого автономного образования – при том, что названный ареал представляет собой вполне компактное территориальное пространство. А ведь такая возможность была: известно, что границы создававшихся автономий проводились не по произволу властей, но в строгом соответствии с демократи-

чески выраженным волеизъявлением граждан, которые на местных референдумах сами решали, какие именно «автономные сообщества» будут созданы и какие испанские провинции войдут в каждое из них.

И вот, поглядев на современную карту страны, мы можем убедиться, что рубежи вновь созданных автономий практически нигде не совпали с контурами расселения известных народов-этносов Испании. И, в частности, каталонский этнический ареал оказался «распределенным» сразу между несколькими автономными сообществами, в качестве которых выступили давно всем известные исторические области, или регионы, Испании. Те самые упомянутые выше Каталония, Балеарские острова, Валенсия и Арагон, причем два последних включают еще и обширные территории, населенные другим народом-этносом – *собственно испанцами*.

Такое положение дел побуждает обратиться к самосознанию местных обитателей, которое у них – как у представителей общности, давно достигшей стадии *нации*, – должно быть отчетливо выражено. Обнаруживается следующая картина: термин «каталонцы» традиционно используется здесь почти исключительно для обозначения жителей Каталонии (и ими самими, и всеми остальными). А вот население валенсийской автономии известно как «валенсийцы», арагонской – «арагонцы», островной балеарской – «балеарцы»... Зато общее внеязыковое (в данном случае этническое) *самоназвание*, равно как и общее внеязыковое *название* для каталаноязычных жителей страны – тех, кого мы привыкли называть «каталонцами», «каталонским этносом» – отсутствует. И, значит, есть основания говорить об отсутствии в их среде этнического самосознания – поскольку признано, что самоназвание является его основным индикатором.

Это в полной мере подтвердилось в ходе социологических опросов, проведенных в конце 1970-х гг., то есть именно в тот момент, когда, собственно, и решалось, какими будут по своему территориальному составу новые автономные образования. Выяснилось, что жители Балеарских островов в подавляющем большинстве ощущают себя принадлежащими к общности обитателей родного архипелага («балеарцы») или даже родного острова («майоркинцы», «меноркинцы», «кабрерцы»). Оставшиеся заявили о себе как о «кастильцах», «мурсийцах», «эстремадурцах» и т.д., то есть «самоопределились» по региону, где родились и откуда приехали на Балеарские острова. Что же до *общекаталонского самосознания*, то оно вообще никак не отразилось в опубликованных данных². Зато, находясь за границей, выходцы с островов, как правило, ощущают и называют себя «испанцами»³. Это ясно указывает на содержание в испанском контексте того термина, который мы привыкли воспринимать как название *доминирующего народа-этноса*. Между тем, он скорее равнозначен нашим отечественным «россиянам».

Аналогичную картину дает нам историческая область Валенсия. Большинство высказывающихся на тот же предмет местных жителей обозначают себя как «валенсийцев». Прочие определяются по одной из трех составляющих регион Валенсии провинций («кастельонцы», «аликантинцы») или по еще более мелким территориальным подразделениям. Осевшие здесь приезжие из других испанских земель, как и на Балеарах, отождествляют себя с регионами «исхода»⁴.

Тот же принцип абсолютного доминирования «областных» (а точнее, территориальных, разных уровней иерархии) форм самосознания обнаруживается и в самой Каталонии, и в Арагоне. Более того, по всему каталаноязычному ареалу Испании мы находим преимущественно именно эти формы – а вовсе не этническое («национальное») самосознание, которое, как нам представлялось ранее, должно было бы здесь безусловно преобладать. Утверждение о том, что всё местное исторически каталаноязычное население в совокупности составляет «единый каталонский народ», само это население в своем подавляющем большинстве отвергает как недопустимую крайность. Это не значит, что здесь не знают об общности языка или происхождения. Да, знают, но не придают этому обстоятельству решающего значения в самоопределении⁵.

В этом смысле очень показательны, помимо отмеченного выше отсутствия общего самосознания и самоназвания, еще и результаты опросов населения на предмет отношения к согражданам из других, помимо собственного, регионов страны. Для жителей Каталонии южане-андалузийцы оказались более приемлемыми и привлекательными, нежели «братья по языку и происхождению» из Валенсии и с Балеарских островов. Валенсийцы также предпочли каталонским и балеарским «родственникам» кастильскоязычных (здесь и в дальнейшем мы будем употреблять этот термин вместо более привычного для нас – «испаноязычный», подобно тому, как это делают сами испанские авторы, анализирующие рассматриваемую ситуацию) обитателей Мурсии и Андалузии.

Наконец, хотя для балеарских островитян ближе всех оказались одноязычные с ними валенсийцы, тех же каталонцев они поставили лишь на четвертое место, предпочтя им «лингвистически чуждых» андалузийцев и арагонцев⁶. Вряд ли такие оценки могли быть возможны при сколько-нибудь заметном уровне *этнического самосознания*. Оно обязательно предполагало солидарность в рамках каталаноязычного ареала. Но что же тогда, с точки зрения самих жителей названных нами регионов, составляет специфику тех областных «народов», к которым они, по их собственному мнению, принадлежат? И какими свойствами надо обладать, чтобы и сам человек, и окружающие его люди признали его представителем одного из таких «народов»?

Опрос 1979 г. в Каталонии об условиях, необходимых человеку для того, чтобы считаться «каталонцем» (предполагалась возможность нескольких ответов), дал следующие результаты:

- «говорить на каталанском языке» — 33,3%;
- «жить и работать в этом регионе» — 56,5%;
- «происходить из семьи местных жителей» — 82,4%⁷.

Другой опрос, проведенный здесь на ту же тему несколько лет спустя, обнаружил такие мнения:

- «родиться в Каталонии»;
- «чувствовать себя каталонцем»;
- «говорить по-каталански»;
- «уважать Каталонию и все, что с ней связано»;
- «жить и работать здесь»;
- «усвоить ее обычаи»;
- «хотя бы не говорить плохо о Каталонии».

Примечательна возможность быть — с точки зрения опрошенных, — «каталонцем» в большей или меньшей степени, причем со временем эта степень может увеличиться⁸. Последнее обстоятельство связано с тем, что очень многие выходцы из других — преимущественно кастильскоязычных, — регионов Испании, перебравшиеся в индустриально развитую Каталонию и поселившиеся здесь навсегда, постепенно начинают отождествлять свои интересы с интересами своей новой «малой родины» и местного областного «народа». А самих себя они ощущают «каталонцами» (в региональном значении этого термина) и выражают это ощущение различными способами. Лозунг «Каталонцы — это те, кто живет и работает в Каталонии» отнюдь не случайно поддерживается практически всеми сколько-нибудь влиятельными политическими силами Каталонии.

Реальное значение *регионального и этнического* начал во внутрииспанском контексте хорошо иллюстрирует пример того же Арагона, в состав которого входят территории с кастильскоязычным, каталаноязычным и арагоноязычным населением. Согласно привычному для нас подходу, это означает, что в границах региона проживают, каждый на своей этнической территории, два народа-этноты: собственно испанский (включающий некую арагонскую этническую группу) и каталонский. Точка зрения жителей Арагона, включая «арагонских каталонцев», иная и состоит в том, что коренное население области, независимо от языка, составляет в своей совокупности единый «арагонский народ». Каталонский язык части населения Арагона является неотъемлемым достоянием всего региона, и потому его следует рассматривать как «арагонский»⁹. Подобно тому, как на более высоком уровне каталанский, кастильский и другие языки Испании должны, по мнению многих их носителей, считаться «испанскими». И те жители Арагона, которые исторически говорят на каталанском языке — это не «арагонские каталонцы», а *каталаноязычные арагонцы*.

Подобным же образом, опираясь на самосознание подавляющего большинства населения региона Валенсия, мы находим на его территории не два сосуществующих здесь народа – каталонцев и испанцев, – а единую областную общность *валенсийцев*, для части которых родной язык – кастильский, тогда как для остальных – каталанский. Кстати, именно в данном случае спор о языке на какое-то время вышел на первый план в осмыслении местным региональным сообществом своего своеобразия в общеиспанском комплексе. Результатом жарких дискуссий рубежа 1970-х–1980-х гг. стало нынешнее название второго – наряду с испанским (кастильским) – официального языка Валенсии: «валенсийский». Для одних валенсийцев этот термин подразумевает особый язык, независимый от каталанского; для других – всего лишь местный вариант единого каталанского языка¹⁰.

Но и те, и другие в массе своей не сомневаются в полной самостоятельности «валенсийского народа» в ряду других *народов* Испании – под которыми в данном контексте понимаются *региональные сообщества*, но отнюдь не этнические общности. Все приведенные факты – на деле представляющие лишь часть обширного массива материалов аналогичного характера, – заставляют уточнить расстановку сил в рассматриваемом нами противостоянии, время от времени напоминаящем о себе в Испании. Из них следует, что повышения своего политического статуса требует от испанского государства не каталонский народ-этнос (само существование которого в тех параметрах, в которых он у нас обычно описывается, не находит своего подтверждения), а историческая область Каталония – уже получившая широкую автономию в рамках страны.

Но в таком случае нуждается в объяснении упоминавшийся выше конфликт вокруг термина «нация», включенного каталонской стороной в текст новой редакции статута автономии, а затем оспоренного (точнее, признанного «юридически ничтожным») Конституционным судом страны¹¹, что, в свою очередь, вызвало массовые протесты в Каталонии. Дело в том, что привычное испанское словоупотребление, отражающее, конечно же, особенности менталитета обитателей страны, ясно указывает на присущее им глубинное ощущение неразрывной связи всякой территории с проживающим на ней населением – и наоборот. Так, слово «*pueblo*» (по-кат. «*proble*») означает здесь и «народ», и «селение», а слово «*pasión*» – и совокупность жителей какой-либо страны, и ее территорию. Это проявляется, в частности, в постоянной, рутинной взаимной замене в самых разных контекстах названий территорий и названий проживающего на них населения.

Испанский автор или оратор привычно перечисляет в одном ряду, на письме или в устном выступлении, «...Астурию, Кастилию, мурсийцев, валенсийцев, Галисию, андалузийцев и др.».

А в тексте Основного закона Испании буквально говорится о «нерушимом единстве испанской нации, единой и неделимой родины всех испанцев». Это заставляет русского переводчика, воспитанного в иной понятийно-терминологической системе, переводить этот текст как «...нации, являющейся единой и неделимой для всех испанцев» (устранив упоминание о территории/родине во избежание непонимания со стороны отечественного читателя).

Еще один испанский конституционный текст – об «автономии национальностей и регионов», – в русском переводе звучит как об «...автономии национальностей и регионов, в которых они проживают»¹². И это происходит потому, что для русского человека «регион» – это, прежде всего, территория, а для испанца всегда – «территория с населением» (как и «национальность»).

И если мы обратимся к тому самому тексту статута каталонской автономии, согласованному и утвержденному обеими сторонами (региональными властями и центральным правительством) и одобренному областным референдумом, то увидим там опять же «народ Каталонии», под которым подразумеваются «все те, кто живет и работает» в этом регионе. И все это без какого-либо намека на этнические различия в его среде, на то, например, что здесь есть какие-то «этнические каталонцы», сосуществующие с представителями иных, пришлых «этнических общностей». При этом пафосно подчеркивается историческое, культурное, языковое и прочее своеобразие Каталонии, которая «создавалась на протяжении [длительного] времени посредством вложения энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней землю, которая их приняла».

Каталанский язык определяется здесь как «характерная особенность Каталонии», а сама «Каталония в согласии с другими народами стремится...» и т.д. – то есть перед нами все то же привычное понятийно-терминологическое неразличение территории и обитающего на ней населения. И «нацией» в статуте названа – однократно, умышленно косвенно, в нейтральном контексте, лишь в преамбуле, а не в основной части, но совершенно сознательно и целенаправленно, – именно Каталония, а не «каталонский народ»¹³.

В рамках испанской политической традиции это выглядело не просто новацией, но новацией революционной, и было воспринято значительной частью общества как вызов самому существованию страны. Недовольство было вызвано тем, что в данном случае термин «нация» использовался в официальном документе по отношению не ко всей Испании в целом, а лишь к какой-то ее части. А та же традиция подразумевает, что всякая нация либо уже обладает политическим суверенитетом, либо имеет на это право или же серьезные

основания. Именно поэтому с таким трудом тремя десятилетиями ранее, при выработке и согласовании текста постфранкистской либеральной конституции, значительная часть испанского общества согласилась на включение в законодательное и политическое употребление термина «национальность» («nacionalidad»). В нем многие видели аналог все того же термина «нация» и, следовательно – прямую угрозу сепаратизма. Содержание термина «национальность» в нынешнем внутрииспанском контексте, согласно Основному закону страны, делает его всего лишь синонимом понятий «регион» или «историческая область». Постановлено, что тот или иной автономный регион может – по воле своего населения, – принять для себя название «национальность», – но это не даст ему каких-либо особых прав или преимуществ в сравнении с теми регионами, которые этого не сделали. На сегодняшний день из семнадцати автономных сообществ страны «национальностями» объявили себя восемь: Страна басков, Каталония, Валенсия, Андалузия, Галисия, Арагон, Канарские острова и Балеарские острова. По-видимому, сама возможность такой процедуры означает готовность центральной власти пойти навстречу желанию регионов подчеркнуть своеобразие своей «малой родины» в общеиспанском комплексе.

Однако настойчивое стремление каталонской автономной администрации и стоящей за ней части местного общества официально закрепить за своей исторической областью определение «нация» можно, надо полагать, рассматривать как следующий, по-своему закономерный шаг на том же пути последовательного и всестороннего обособления этого региона. Правда, некоторые представители каталонской стороны в данном споре отрицают обвинения со стороны оппонентов в намерении противопоставить «каталонскую нацию» (понимаемую, разумеется, как очень специфическое региональное сообщество, а не как «этническая общность») «нации испанской» и предлагают свое понимание ситуации: «Каталония – это нация в [составе] нации наций [то есть Испании]». Они утверждают, что ни в коей мере не раскалывают Испанию. «Каталония – это не “нация без государства”, нет, мы – нация, которая имеет государство, общеиспанское, которое является также и нашим! В чем же здесь угроза?»¹⁴

Согласно этой логике, речь идет всего лишь о своего рода повышении регионального статуса, которое, к тому же, подразумевает все без исключения составные части Испании, все ее регионы, так что принципиально модель единой страны как будто и не меняется. И тогда лозунг «Каталония – не Испания» на стенах домов, на майках некоторых местных жителей, на плакатах участников митингов и шествий, на полотнищах в руках футбольных болельщиков и т.п. можно отнести на счет экстремизма

отдельных маргинальных политических групп и индивидов. Но с иной точки зрения борьба за право называться «нацией» представляет собой лишь одно из проявлений – пусть и наиболее заметное, – отмечаемой в последние десятилетия общей тенденции обособления Каталонии от остальной Испании.

В самом деле, обратившись, например, к положению дел в регионе в сфере культуры, мы обнаружим здесь последовательную политику селекции, сознательного отбора, осуществляемого при поддержке автономной администрации и наиболее влиятельных общественно-политических сил, вплоть до церковных кругов. По убеждению идеологов всей этой масштабной кампании, неповторимая культура Каталонии (именно Каталонии, а не «каталонской этнической общности» в нашем привычном понимании) исконно строилась на иных началах и утверждала иные ценности, образцы и нормы, нежели те, что доминируют в соседних испанских областях. Отсюда – неожиданно набравшее силу упорное стремление ограничить и вытеснить из повседневной и праздничной жизни местных обитателей обычаи и привычки, объявленные «чужеродными», «противоречащими истинно каталонскому духу», «силой навязанными нашему региону» и т.д. Под осуждение и запрет попала, среди прочего, знаменитая коррида («бой быков») – вопреки авторитетным доказательствам глубокой укорененности в Каталонии традиций тавромахии, роднящих регион с другими частями Испании. Нет недостатка в убедительных аргументах в пользу того, что и другие «искореняемые» явления в подавляющем большинстве неразрывно связаны с местной почвой¹⁵. Тем не менее, всестороннее «культурное обособление» Каталонии продолжается, постепенно укрепляя в сознании местных жителей мнение о том, что «Каталония – не Испания».

То же стремление поставить «исторические традиции региона» выше навязанного когда-то силой общеиспанского стандарта, как представляется, лежит и в основе попыток каталонских автономистов заменить ныне действующую административно-территориальную организацию Каталонии прежней, бытовавшей здесь со Средних веков до начала XVIII столетия. Как и в случае с «нацией», дело также дошло до стадии конфликта центрального и регионального законодательства¹⁶.

Во всех названных случаях и множестве им подобных, во всех требованиях и инициативах, направленных на повышение политического статуса Каталонии и укрепление ее самостоятельности, речь идет исключительно о данном регионе и его постоянном населении, которое только и обозначается как «каталонский народ». Никакая этническая общность (народ-этнос) под тем же названием, сосуществующая, взаимодействующая или соперничающая с какими-то другими этническими общностями

в пределах Каталонии или в Испании в целом, даже не упоминается. То есть говорить о том, что рассматриваемая нами коллизия продиктована этническим противостоянием и носит, следовательно, этнополитический характер, – на наш взгляд, не приходится. Некоторое внешнее сходство испанской ситуации с взаимоотношениями федерального Центра и «национальных окраин» в нашем отечестве не должно вводить в заблуждение: события, которые мы наблюдаем в Испании, имеют иную социально-историческую природу.

Kozhanovsky A.N. How Do the Spaniards and the Russians Treat the Term «Catalan People»

Summary: *When Catalan autonomous region in Spain tries to elevate its political statute these attempts are habitually treated in Russia as an aspiration of the Catalan ethnos to become much more self-determined. In reality however there are no any ethnic entities there to correspond with our perception of this term. Instead of ethnic factor there is traditionally historical and regional one in social conscience of the Spaniards.*

Ключевые слова

Испания, Каталония, нация, каталонцы, народ-этнос, региональное сообщество, независимость, самосознание.

Keywords

Spain, Catalonia, nation, Catalans, people as an ethnos, regional community, independence, identity.

Примечания

1. См., например: Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 27; Семенов Ю.И. Этносы, нации, расы. <http://scepsis.ru/library/id>
2. García Ferrando M. Regionalismo y autonomía en España. 1976-1979. Madrid, 1982. P. 494.
3. Cambio 16. 1986. N 787. P. 11.
4. Jiménez Blanco J. et al. La conciencia regional en España. Madrid, 1977. P. 47.
5. Sanchis Guarner M. La llengua dels valencians. Valencia, 1980. P. 21.
6. García Ferrando M. Regionalismo y autonomía en España. 1976-1979. Madrid, 1982. P. 507-549.
7. Linz J. Conflicto en Euskadi. Madrid, 1986. P. 32.
8. Barrera González A. La dialéctica de la identidad en Cataluña. Madrid, 1985, Pp. 322, 327.
9. Кожановский А.Н. На Втором международном конгрессе каталанского языка // Советская этнография. 1987. №1. С. 143.
10. Fuster J. Nosaltres, els valencians. Barcelona, 1977; Valencia Cultural. 1961. N 13. P. 6; Sanchis Guarner M. La llengua dels valencians. Valencia, 1980; Pere Sisé. Raóns d'identitat del País Valencià. Valencia, 1977.
11. См., например: Lázaro J.M. El Constitucional aprueba un recorte moderado que permite aplicar el Estatuto / El país.com. Edición global. 28/06/2010. <http://www.elpais.com/global>
12. См.: Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 276 и далее.
13. Estatuto de autonomía de Cataluña 2006 http://www.elpais.com/elpaismedia/ultimahora/media/200902/04/espana/20090204elpepunac_1_Pes_PDF.pdf
14. Различные мнения по поводу текста автономного статута Каталонии представлены на сайте: <http://www.elmundo.es>
15. Delgado M. El "seny" y la "rauxa". El lugar de la violencia en la construcción de la catalanidad // Antropología. 1993. N 6. P. 97-130.
16. Se impide crear veguerías alterando los límites provinciales / El mundo.es. 09/07/2010. <http://www.elmundo.es>